Изгой / фэнтэзи

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Изгой / фэнтэзи ИЗГОЙ

Каган Солонго поднёс факел к погребальному костру, выполняя последний супружеский долг. Вцепившись в руку отца, Алдар, смотрел, не отрываясь, как языки огня жадно лизали брёвна, как трещали и корчились они от нестерпимого жара. Громкий рокот барабанов и заунывные причитания старух-плакальщиц наводили на него ужас.
— Шаман говорил, что хойты увозят своих мертвых в долину смерти. Зачем ты велел сжечь маму? Она теперь никогда не сможет вернуться к нам, — глядя на отца заполненными горем глазами, спросил он.
Не отводя взгляда от пламени, пожиравшего тело его любимой жены, сурово сдвинув брови, Догсан молчал. Губы ребёнка задрожали, закрыв лицо ладошками, чтобы не видеть этого страшного костра, он горько расплакался.
Угли ещё рдели, покрываясь серым пеплом, когда вдали громыхнул гром. Северный ветер нагнал разорванные тучи, закрывшие звёзды. Гром грянул ближе, первые тяжёлые капли дождя упали на землю. Толпа, глазевшая на церемонию начала торопливо расходиться. Догсан посадил сына впереди себя на вороного жеребца и в окружении стражи поскакал во дворец.
Горькие думы омрачали душу кагана — как объяснить пятилетнему сыну последнюю волю его матери? Завтра он должен исполнить клятву, данную жене на смертном ложе, и отправить Алдара учится магии в храм Огня, в далёкую страну Уйнур.

***

Пятый день отряд нукеров был в пути. Пологие безлесые сопки уходили вдаль до самого горизонта. Тишину безлюдной степи нарушал лишь шелест ковыля под копытами коней, да свист сусликов в скудной траве. Путники обогнули горный кряж, и

перед ними открылась серо-зелёная долина с высокой круглой сопкой посередине. На её плоской вершине возвышался белоснежный храм с двухъярусной, с загнутой по углам крышей, покрытой полыхающей на солнце алой черепицей.
Приблизившись, нукеры увидели у подножья горы мужчину в красной одежде с наголо обритой головой и юношу одетого в тёмно-синий кафтан, чёрные шаровары и сапожках с задранными вверх носами. Его рыжие волосы были заплетены во множество косичек завязанных на концах кожаными ремешками. В отличие от монаха, юноша был вооружён – на украшенном золотым шитьём поясе висела в изогнутых ножнах сабля, за спиной маячил лук в налучье, справого бока выглядывали из кожаного колчана белые оперенья стрел.
– Кажется, добрались и нас уже ждут, – тихо сказал своим спутникам десятник Берген. – Эй, монах, не это ли храм Огня? – окликнул он.
Чёрные, острые, как лезвие ножа глаза скользнули по всадникам.
– Вы стоите перед ним посланцы правителя Солонго. Мы ждём вас с полудня.
– Кто предупредил вас о нашем приезде? – нахмурился воин.
Проигнорировав его вопрос, служитель сказал:
– Передай Догсану, что за десять лет сына верховной жрицы нашего храма преуспел во многих науках, и нам будет не стыдно за него.
– Мы рады донести ему твои слова. В благодарность за обучение царевича, каган велел мне вручить дары для вас, – спешившись, Берген отстегнул притороченный к седлу сундучок и передал монаху.
Один из нукеров подвел к Алдару осёдланного гнедого коня.
– Это подарок тебе отца, тайши. Его зовут Белек. Тебя обучали здесь верховой езде? – взглянув с сомнением на одинокое здание на вершине сопки, спросил воин.
– Конечно! – ответил тот, не отрывая восхищённого взгляда от подарка. Высокий в холке, с длинной шеей и широкой грудью жеребец неспокойно перебирал сухими ногами. Раздувая ноздри, он косился на него лиловым, с едва намеченным кругом белка, глазом. Успокаивая животное, юноша погладил его по гладкой

шелковистой шерсти, и легко вскочив в седло, сделал небольшой круг по степи.
— У меня никогда не было такого скакуна, — вернувшись, произнёс он, не в силах сдержать радостную улыбку.
— Это верно, Белек настоящее сокровище, — одобрительно заметив, как ладно сидит царевич в седле, подтвердил десятник.
Воины не стали задерживаться возле храма. Забрав Алдара, они развернули коней, и умчался в степь, оставив за собой долго висевшее в воздухе облако пыли.
Стремительный бег скакуна пробуждал ощущение свободы. Знойный ветер обжигал лицо, трепал гриву коня. Родной дом было ещё далеко, а сердце Алдара сжимала пронзительная радость. Домой!

***

Солнце склонилось к закату, когда путники добрались до небольшого пресного озера, где и решили заночевать. Первым делом расседлали лошадей, отведя животных на водопой. Потом занялись лагерем, двое начали готовить ужин, остальные пошли к зарослям тальника рубить хворост для костра.
Алдар умело стреножив коня и отправив его пастись, сел в сторонке, с любопытством наблюдая за спутниками.
— Подсаживайся ближе к костру, тайши, расскажи, пока готовится ужин, как жилось тебе у язычников, — пригласил его десятник.
Сын кагана охотно перебрался к нему.
— Вижу, ты изучал в храме не только колдовство? — указав на оружие, спросил Берген.
— Я на скаку соколу в глаз попадаю, — ласково погладив лук, лежавший возле его ног, с гордостью ответил юноша.
— Однако всё равно не могу понять, как ты мог обучаться воинскому делу, если все эти годы жил на такой высоте, в храме? — не сдержал любопытства десятник.
— Вы увидели только то, что монахи хотели вам показать. Уйнуры умеют создавать миражи, сквозь которые человеческий глаз не в состоянии проникнуть. За сопкой, на которой стоит храм, расположен большой монастырь, там и обучают послушников.
— Дивно… Не зря по всей Великой степи боятся это небольшое

государство. Говорят, даже торговцы, которые проникают везде, не ходят в эти края.
— Ты прав, уйнуры не любят чужаков близ своих границ. Предпочитают сами вывозить товары на рынки других государств. Ты отпустил проводника, который привёл вас к храму, не боишься заблудиться в незнакомой местности?
— Что ты говоришь! Разве может степняк не найти дорогу домой в степи? Солнце, звёзды, растения, звери — они покажут, — усмехнулся воин.
— Нужные знания, этому меня в храме не учили. Ты покажешь, как находить дорогу по звёздам? — вскинув на него зелёные, с рыжими крапинками глаза, попросил тайши.
— Зачем это сыну кагана? Когда понадобится, за тебя всё сделают слуги.
— Неправ ты. Такая наука необходима любому воину, а полководцу и подавно, — возразил Алдар.
— Молодец! Рассуждаешь не по возрасту разумно, достойный вырос у повелителя сын, — похвалил Берген. — Пока будем добираться до Солонго, покажу всё, что знаю.
Не привыкший к похвале юноша смущённо покраснел.

***

Третий день шёл отряд по Великой степи. Пологие безлесые сопки уходили вдаль до самого горизонта. Солнце за лето иссушило землю, вызолотило травы. Мелкие соляные озёра почти высохли, их берега потрескалась, покрылись белым налетом, и только ковыль седыми волнами склонялся под вольным ветром.
Безмолвие, разлитое под бледно-голубым небом, неожиданно взорвалось от дробного стука копыт. Группа всадников на породистых лошадях вырвался из-за крутого склона сопки в долину и начала растягиваться в цепь, окружая путников. Ещё невозможно было разглядеть лиц нападавших, как туча стрел понеслась навстречу отряда Бергена.
— Разбойники! За мной! — крикнул десятник. Воины мгновенно выхватили из-за спины луки, и, кинув стрелы на натянутую тетиву, помчались навстречу врагу. Две лавины стремительно

неслись друг на друга. Возбуждённые люди кричали и свистели. Алдар тоже кричал и свистел, азарт боя овладел им. Натянув тугой лук, он прицелился во всадника, мчавшегося впереди всех. Тот заметил его и успел уклониться, стрела с белым оперением попала в круп жеребца. Конь, заржав от боли, встал на дыбы и сбросил наездника. Не замедляя скачки, Алдар снова натянул лук, выискивая цель, но вдруг острая боль пронзила правое плечо. Не удержавшись, юноша выпустил вожжи и вылетел из седла. От сильного удара о землю воздух вышибло из груди, в глазах померк свет. Очнулся Алдар от льющейся на лицо воды.

— Живой! — произнёс наклонившийся над ним Берген. — Пошевели руками и ногами, — потребовал он.

Юноша машинально исполнил приказание.

— Голова болит?

— Не очень, руку сильно ломит, — положив ладонь на перебинтованное чистой тряпкой плечо, поморщился Алдар.

— Пока ты не очнулся, стрелу я вынул и рану обработал, — помогая ему подняться, успокоил десятник.

— Где разбойники, что напали на нас? — оглядываясь, спросил Алдар.

Люди, стоявшие вокруг него, лишь молчаливо склонили головы.

— Что случилось? — удивился он.

— Мы думали, что это разбойники, пока ни увидели на земле твоего сводного брата Тамира. Стрела с белым оперением попала в круп его коня, и он сбросил царевича на землю. Такое оперение только у твоих стрел, — ответил за всех Берген.

— Ты хочешь сказать, что я убил своего брата? — побледнев от испуга, вскрикнул Алдар.

— Нет, с ним ничего не случилось, ушибся немного. Вон, возле кустов ерника сидит, вместе со своими телохранителями. Карами небесными нам грозит, за то, что руку на наследника Солонго подняли, перебили половину его отряда, — показал десятник в сторону кучки связанных людей.

— Он грозится не зря, нас всех могут казнить за нападение на старшего сына кагана, — хмуро поддержал командира один из нукеров.

— За что? Они первыми напали на подданных правителя Солонго, —

возмутился Алдар.
— Он сын правителя, а мы кто? Простые воины. Не сносить нам головы. Жалма заставит Догсана развешать нас на столбах, — отмахнулся от слов Алдара, Берген.
— Может добить их всех и закапать в степи, чтобы некому было рассказать о нашей встрече, — предложил кто-то из толпы.
— Молчи негодный! Пока кто-нибудь не донёс Жалме твои слова, — грозно прикрикнул на него десятник.
— Я его брат! И ни за что не позволю сотворить вам такое зло! — закричал тайши, побледнев от ярости. — Уходите прочь. Лошадей Тамира и его охранников оставите здесь. Привал сделаете через один конный переход и дождите меня там. Всё! Уходите! — приказал он.
Когда отряд скрылся за грядой невысоких сопок, Алдар пошёл к пленникам.
Обхватив черноволосую голову руками, на земле сидел юноша крепкого телосложения. Его нарядная одежда была в нескольких местах порвана. Пять нукеров со связанными руками и ногами, лежали невдалеке.
— Как тебя зовут? — спросил Алдар, чтобы как-то начать разговор.
— А тебе какое дело? Кто ты такой, чтобы меня спрашивать? — заносчиво спросил царевич, злобно взглянув на него тёмно-карими глазами.
— Если ты сын кагана Солонго — Тамир, то я твой младший брат.
— Ты сын той ведьмы, которая отняла у моей матери мужа? Никогда, слышишь, никогда не называй меня своим братом! — глядя на него с ненавистью, прошипел сквозь зубы тайши.
— По законам Солонго у правителя может быть несколько жён. В том, что наш отец полюбил Юлдуз больше чем Жалму, моей вины нет — гордо вскинув голову, резко ответил Айдар.
— Десять лет мы жили, забыв о твоём существовании. Почему ты не остался там, среди своих колдунов? Зачем возвращаешься во дворец? Чтобы убить мою мать?
— Старшая жена отца не сделала мне ничего плохого, за что мне её убивать? — удивился тайши.
— Думаешь, я поверю, что монахи не донесли тебе, кто отравил

их верховную жрицу? – презрительно глядя на юного мага, спросил наследник Солонго.
– Ты хочешь сказать, что в смерти Юлдуз виновата Жалма? – воскликнул потрясённый Алдар.
– Мне донесли слова служанки-язычницы, твоей няни. Она говорила, что госпожа перед смертью сказала ей, кто подсыпал яд в её питьё. Старуха радовалась, что ты возввращаешься и сможешь, наконец, отомстить убийце. Слуги шепчутся по углам, что ханум отравила младшую жену.
– А теперь тайком от отца отправила тебя за мной, чтобы убить и сына?
– Не вмешивай её в это! Я сам решил избавиться от тебя, пока ты не добрался до дворца. Мать думает, что я поехал в Айтали, к деду.
– Не верю сплетням! Отец очень любил маму и не простил бы убийцу, даже Жалму. После её смерти он услал меня подальше, чтобы я не напоминал о ней.
– Ты действительно все эти годы ничего не знал? Теперь знаешь, но ничего не изменилось. Думаешь, я сейчас расплачусь и пожалею тебя? – злобно расхохатался Тамир, глядя ему в глаза. – Когда приедем во дворец я скажу, что вы на меня напали и вам всем отрубят головы, или посадят на кол.
– Ты тупица! Разве можно так заносчиво говорить с врагом, когда твоя жизнь полностью зависит от него? Монахи десять лет вколачивали в меня бамбуковыми палками свои знания, приучали не чувствовать боли, выживать в любых условиях, есть всё, что растёт и ползает, а ещё они учили меня магии. Хотя дар мой так до конца и не проснулся, но кое-что я умею. Люди, которые преданно служат твоему отцу, не пострадают от твоей глупости, – с презрением глядя на старшего брата, произнес тайши, с трудом сдерживая желание пнуть, по искажённому ненавистью лицу царевича.

***

Нарах, отправленный десятником проследить за тем, что будет делать младший сын кагана с пленниками, с удивлением наблюдал

за странными действиями Алдара.
Вначале он начертил перед лицом каждого из них какой-то знак, потом разрезал ножом веревки спутывающие руки и ноги. Освободив всех, в том числе и Тамира, он велел им сесть вокруг собранной горки хвороста. Люди послушно исполнили его приказание. Порывшись в суме, Алдар достал мешочек с каким-то порошком и высыпал несколько щепоток на приготовленный костёр. Маленькие язычки огня замелькали среди тонких веток, клубы густого белого дыма, скрыли колдуна и его пленников от нукера. Он мог только слышать голос Алдара, монотонно читающего на незнакомом языке какое-то заклинание. Нарах почувствовал, что неведомая сила заставляет его встать и присоединиться к сидевшим у костра людям. Дрожа от страха, пересиливая наваждение, он отполз от них как можно дальше и помчался в сторону стоянки.
Когда Нарах вернулся в лагерь, десятник как ни пытался, так и не смог выяснить, что делал с пленными юный маг.
— Я ничего не помню, — хватаясь за голову и скрипя зубами от боли, отвечал тот на все расспросы.
Утром, на рассвете к стоянке подъехал одинокий всадник. Спутники насторожённо смотрели на спешившегося Алдара.
— Всё хорошо, — оглядев мрачных воинов, промолвил, усмехаясь тайши. — Наследник Солонго с телохранителями проследовал к своему деду, правителю Айтли. Никто по дороге им не встретился. Они даже нас не заметили, когда мы проезжали в сторонке от них. Надо сказать отцу, что у брата плохие телохранители.
Нукеры переглянулись и облегчённо зашептались. Десятник, уважительно поклонившись царевичу, промолвил:
— Ты спас нас от гибели и позора тайши, и мы всегда будем служить тебе верно. А кагану ничего не надо говорить. Воины у Тамира хорошие, только правитель отправил за тобой лучших, потому и не заметили они нас. Верно, я говорю? — спросил он, грозно взглянув на своих воинов.
— Верно!— хором поддержали они.
За неделю пути Берген, как и обещал, учил Алдара находить дорогу в степи. Алдар старался слушать его внимательно, но

неожиданно открывшаяся тайна терзала его душу сомнениями.

***

Отряд, наконец, дошёл до вершины хребта и остановился на короткий привал. С седловины перевала Алдар до боли в глазах всматривался в долину, разрезанную рекой, берущей начало в снежниках Цаган-Байна. На зелёной равнине, как на ладони красовался Одсэр – столица Солонго.
На небольшой возвышенности, за крепостной стеной и глубоким рвом стоял дворец правителя. Высокая, многоярусная кровля здания, покрытая зеленой и желтой черепицей, переливалась в лучах заходящего солнца. Коньки крыши по обоим концам завершались головами драконов. Их обращеные друг к другу морды, как бы держали в пасти брус конька. Узорчатые сливы и диски, с изображением сверкающих золотом драконов на зеленом фоне, дополняли украшение крыши.
Дворцовая усадьба делилась на хозяйственные постройки, конюшни с казармами и великолепный сад, где были выложеные камнем дорожки, пышные цветники и белеющие среди зелени деревьев беседки.
Вокруг дворцовой усадьбы высились дома знатных людей, за ними стояли строения торговцев, менял, чиновников, а дальше шли районы ремесленников и рабочего люда.
Алдар уезжал отсюда совсем маленьким мальчиком. Когда их отряд добрался до того места, откуда он сейчас смотрел на долину, отец взял его из повозки, посадил к себе на коня и сказал:
– Запомни сын, это твой дом, когда ты станешь таким же учёным магом, как твоя мать, ты вернёшься сюда вновь.
В воспоминаниях Алдара о прожитых здесь годах осталось лишь чувство тепла и счастья, мамины глаза полные любви, надёжные, сильные руки отца. Детство оборвалось внезапно. Чем старше он становился, тем чаще думал, почему лишив его детства, отец отправил его в Уйнур.
В город они вошли через главные ворота. По дворцу ветром пронеслась радостная весть: младший сын кагана вернулся! У мощенного красным кирпичом пандуса, ведущего на нижнюю

террасу, тайши поджидал дворецкий. Склонившись в низком поклоне, он сообщил, что правитель ждёт его в тронном зале.
Алдар торопливо прошёл мимо гранитных изваяний, изображавших головы драконов, миновал верхнюю террасу, ограждённую деревянной балюстрадой. Слуги распахнули створки двери. Он вошёл в аванзал с двумя рядами колонн, и ступили на красную ковровую дорожку, пролегающую от порога до входа в центральный зал. В конце огромного помещение на возвышении стояли два трона, на них сидели правитель Солонго и его старшая жена.
Каган — высокий, статный мужчина, прищурив зоркие, ястребиные глаза, разглядывал сына, пряча довольную улыбку в черной, аккуратно подстриженной бороде. Старшая жена сидела по правую руку правителя. На неподвижном, покрытом белилами лице, выделялись нарисованные черной краской брови и обведенные ярко-красной помадой губы.
От смятения у юноши высохло во рту, слова, которые шептал много раз, мигом вылетели из головы. Алдар молча поклонился, приветствуя отца и хатун.
Спустившись со ступеней, Догсан порывисто обнял сына. Алдар прижался лицом к его широкой груди, вдохнув запах кожаных воинских лат, железа, знойного степного ветра и дыма костров.
— Как же ты вырос! Провожал тебя совсем ребёнком, а теперь ты ростом почти как я, — проговорил взволнованно отец.
Отстранив Алдара от себя, он разглядывал сына — такие же, как у Юлдуз зелёные глаза, прямой нос, высокий лоб, а вот высокие скулы и упрямо вздёрнутый подбородок — это его.
— Я думал, что ты сердит на меня, потому и прогнал прочь, — с трудом справившись с волнением, глядя на него исподлобья, глухо произнёс Алдар.
— В том, что тебя так рано увезли из дома, нет моей вины. Это была последняя воля твоей матери.
— Мамы? — растеряно переспросил сын.
— Да. Она была жрицей в храме Огня. В зеркалах, которые предсказывают будущее, Юлдуз прочитала свою и твою судьбу ещё до того, как стала моей женой. Не спрашивай, что они показали, эту тайну я так и не узнал, — по глазам сына Догсан видел, что тот не верит ему. Уходя от трудных вопросов, спросил:

—Как тебе мой подарок?
— Белек настоящее чудо! Он словно чувствовал, как я хочу домой, и летел будто птица, — при воспоминании о жеребце глаза Алдара засияли от восторга.
— Конь для воина первый друг, ты скоро это поймёшь, — довольно улыбнулся Догсан.
— Я тоже привёз тебе подарок, — сын вытащил из-за пазухи свёрток и подал отцу.
Догсан размотал белую тряпицу — на ладонь лёг кинжал. Стальное изогнутое лезвие отливало синевой. Костяную рукоятку украшала голова дракона и вязь рун.
— Я сделал его в монастырской кузнице. Заклинание оберега тоже написал сам, — радуясь, что отец любуется его кинжалом, похвастался Алдар.
— Спасибо! Теперь он всегда будет при мне.
Жалма с высоты трона разглядывала пасынка тёмными, раскосыми глазами. За время встречи она не промолвила ни слова. Но нетерпеливое постукивание по подлокотнику ярко-красных ногтей выказывало её раздражение.
—Слуги проводят тебя в отведённые покои, тебе надо отдохнуть с дороги, у нас ещё будет много время для разговоров, — обнимая на прощанье сына, сказал Догсан.

***

Когда супруги остались вдвоём, каган, сурово взглянув на старшую жену, спросил:
— Почему Тамир не встречал брата?
— Наследнику престола Солонго не к лицу считать своим братом язычника и колдуна! Он отправился с визитом в Айтли, к моему отцу, — высокомерно вздёрнув голову, с затаёной злобой ответила хатун.
— Не смей так называть моего сына! — жестко одёрнул её муж.
— Которого ты услал из дома на десять лет и ни разу не навестил? — начернёные брови поползли вверх.
— Таким было условие уйнуров, — с досадой ответил Догсан, понимая, что Жалма права. — Теперь я вдвойне верну ему свою

любовь и заботу.
— А как же наследник? Или он тебе уже не сын? — ревниво возмутилась жена.
— Они дороги мне оба, — холодно ответил каган и, не желая продолжать неприятный разговор, вышел из зала.
*****
Обретя дом и отца, Алдар и не подозревал, что нажил себе врага. Жалма исходила чёрной ревностью, когда Догсан, вместе с младшим сыном ездил на охоту, объезжал многочисленые курени, ночевал иногда в степи на пастушьих стоянках.
С той поры, как вернулся Алдар, правитель ни разу не вспомнил о Тамире. Хатун исходила злобой, ища способ избавиться от ненавистного пасынка.
Служанки видя, как бесится госпожа после приезда тайши, шептались по углам, что всё это неспроста. Вскоре кагану донесли, что во дворце кто-то распускает слух, будто старшая жена боится мести Алдара, потому, что отравила его мать. Догсан велел заткнуть рот сплетнику, но отыскать злопыхателя не удалось.

***

Утомлённый жарой Алдар сидел у реки, ждал, когда напьется жеребец. Тихо шелестели волны, накатывая на отмель. Суетливый кулик бегал по мелководью, иногда косясь на него осторожным взглядом. Наконец Белек выбрался на берег. Волоча повод, роняя с мокрой морды капли воды, он подошёл к нему, положил голову на плечо и слегка ущипнул за ухо.
— Домой зовёшь? — отклонив голову от щекочущих губ, спросил хозяин.
От слова «дом» — в груди разлилось тепло. За месяц пребывания в Солонго не осталось уголка, где бы Алдар ни побывал с отцом. Догсан словно пытался наверстать время, упущенное за годы разлуки. Окружённый любовью и заботой отца, он оттаял, поверив, что всё плохое, что могло с ним случиться, осталось позади.
Вечерняя заря разгорелась на полнеба, когда он вернулся в

город. Поручив конюху позаботиться о жеребце, тайши заглянул на кухню и попросил, чтобы ему принесли поесть.
В комнату вошла немолодая служанка в коричневом халате и белой повязке, оставлявшей открытым только лицо. Молча поклонившись, она поставила на столик блюдо с отварным мясом, пшеничные лепёшки, кувшин с кумысом и чашу.
Вкусный запах еды пробудил голод. Алдар отрезал от горячего сочного мяса кусок, взял румяную лепёшку и откусывая по очереди от того и другого начал жевать.
— Маленький ты также торопливо ел, не садясь за стол, — он вздрогнул от неожиданности и обернулся.
— Прости тайши, я не подумала, что напугаю, — сказала стоявшая у двери женщина.
— Я чуть не подавился! — с трудом сглотнув, возмутился Алдар. — Почему ты до сих пор не ушла?
— Не сердись на меня царевич! — повалившись ему в ноги, взмолилась она. — Только тревога за твою жизнь заставила меня заговорить. Меня зовут Дайра, я приехала сюда вместе с твоей матерью, воспитывала тебя с рождения и до пяти лет, пока ты не уехал в Уйнур.
— Встань, — приказал он. — Глупая! Кто посмеет мне угрожать в доме отца? — усмехнувшись над причудами служанки, спросил Алдар.
— Во дворце все говорят, что хатун боится твоей мести за то, что она отравила Юлдуз. Жалма страшная женщина, я очень боюсь за твою жизнь, — покорно поднимаясь с колен, прошетала Дайра.
— Ты говоришь, что старшая жена отца погубила мою мать? — вспомнив рассказ Тамира, переспросил Алдар.
— Да! Так говорят все.
— Я не верю в это! Отец никогда бы не простил убийцу. Уходи! — гневно сжав кулаки, приказал он.

***

Закрывшись в своих покоях, Жалма велела позвать рабыню, которой приказала следить за пасынком.
Низко кланяясь, та подошла к лежавшей на тахте хатун.

— Рассказывай, что узнала!
— Язычник разговаривал с огнепоклонницей, что после смерти ведьмы осталась по велению кагана во дворце.
— И что?
— Она сказала, что он похож на его мать. И, правда, госпожа, я ни у кого не видела таких зелёных глаз, как у этого колдуна.
— Это всё, что ты сумела разузнать!
— Нет, моя госпожа, — торопливо заговорила девчонка, испугавшись сердитого голоса хатун. — Он интересовался, от чего умерла его мать. И эта проклятая язычница сказала такое, такое… Я боюсь произнести это вслух!
— Говори, иначе я прикажу отлупить тебя!
— Не бейте меня госпожа! Скажу, я всё скажу! — упав на пол и подползая к ложу, вскричала рабыня, обливаясь слезами. — Только не наказывайте меня за те слова!
— Ты утомила меня своими воплями! — дотянувшись до бамбуковой палки, Жалма грозно замахнулась на рабыню.
— Она сказала, что это вы отравили Юлдуз, и что эта презренная теперь боится за жизнь младшего тайши, — затараторила девчонка.
— А что сказал он?
— Он долго смеялся и сказал, что каган теперь будет слушать только его. Что теперь все будут исполнять его волю, — рабыня, напуганная гневом своей хозяйки, так искренне лгала, что Жалма ни на минуту не усомнилась в правдивости её слов.

***

Алдар всю ночь не мог заснуть, размышляя о разговоре с Дайрой. Её слова подтверждали признания Тамира. Не выдержав неизвестности, утром он пошёл к отцу. Из-за приоткрытой двери доносился громкий голос Жалмы:
— Я и наследник не можем жить в одном дворце с тёмным колдуном.
— Ты посмела решать, кто и где будет жить? — голос Догсана кипел от гнева.
— Мне донесли, что он собрался мстить нам за смерть матери, —

не уступала ему Жалма. — Чует сердце — быть беде. Молю тебя, послушай моего совета, отправь его обратно в храм Огня, — в голосе старшей жены послышалась истерика.
— Я подумаю об этом, — с досадой ответил Догсан.
Алдар замер, поражённый тем, что услышал. За спиной кто-то громко кашлянул. Устыдившись, что его застали, когда он подслушивал под дверью, юноша кинулся прочь, но запутался в коридорах, вернулся назад, и неожиданно столкнулся лицом к лицу с разгневанной хатун.
— Десять лет мы жили, забыв о твоём существовании. Без тебя всё было так хорошо. Почему ты не остался там, среди своих огнепоклонников? — злобно прошипела Жалма.
— Ты должна относиться ко мне, как вторая мать. За что же столь ненавидишь? — крепко сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, гневно спросил он.
— Твоя мать ведьма, которая отняла у меня мужа. Не смей, называть матерью меня! — топнув от ярости ногой, воскликнула Жалма и, резко повернувшись, пошла прочь, громко стуча каблуками по деревянному полу.
Алдар потерянно посмотрел ей в след и, резко повернувшись, кинулся вниз по лестнице, миновал коридоры и выскочил во двор.
— Алдар! Я искал тебя, — обрадовано окликнул его Берген.
— Уйди! — отшатнулся тот и бегом бросился в конюшню.
Выведя Бэлэг из стойла, он вскочил на неосёдланного коня и, вцепившись в гриву, галопом проскакал за ворота. Промелькнули городские улицы, и необъятная степь растелилась перед ним. Он мчался прочь от тех, кого столько лет любил, мечтал встретиться и, наконец, обрести семью. Но всё оказалось миражом. Здесь никто его не ждал, он оказался помехой для всех. Даже отец предал его.
Конь постепенно перешёл на рысь, а потом и вовсе остановился. Алдар сполз с его спины и уткнулся в жёсткую гриву.
— Я никому не нужен, — горестно пожаловался единственному другу, не замечая, как солёный пот Бэлэг, смешивается с его слезами.
Тайши вернулся во дворец в сумерках. Осторожно прокрался в свою комнату и, укрывшись одеялом, не заметил, как уснул.

***

Старший телохранитель доложил правителю, что хатун поссорилась с Алдаром и потребовала, чтобы он покинул дворец. Каган велел позвать к нему старшую жену.
Он сидел неподвижно, хмуро разглядывая Жалму. Обильно наложенные белила, румяна и яркая помада делали её лицо похожим на маску. Волнение выдавали хрупкие руки, так сжавшие сложенный веер, что несколько пластин с треском лопнули.
— Я обещал подумать над твоей просьбой. Ответь, почему тебе мешает Алдар? Чего ты боишься? — спросил, усмиряя злость, Догсан.
— Я не хочу рисковать жизнью твоего наследника, — не понимая, чем вызван вопрос, спокойно объяснила хатун.
Догсан резко вскочив, схватил её за руку и притянул к себе. Глядя в узкие, чёрные глаза спросил:
— Напугалась, что Алдар вернулся и будет мстить? Думаешь, мне не донесли слухи о том, кто отравил Юлдуз?
Жалма, никогда не видела мужа в таком гневе. Она дернулась, пытаясь освободить руку, но хватка у него была железной.
— Это неправда! Я не травила её, — испуганно прошептала хатун, глядя в красные, налитые яростью глаза.
— Не лги! Теперь я понимаю, почему ей пришлось уговорить меня отослать из дворца малолетнего сына. Ещё одно слово и начнёшь рассказывать о своих чёрных делах палачу, — он резко оттолкнул женщину от себя. Хатун неловко упала на тахту и замерла, боясь пошевелиться.
Догсан долго о чём-то размышлял, прохаживаясь по комнате, потом твёрдо сказал:
— Ты будешь жить на севере под охраной моих нукеров, пока я не выясню всю правду. Не надейся, что сумеешь кого-то подкупить и сбежать к отцу.
Он позвонил в колокольчик, вошёл старший телохранитель.
— Сейчас же отвези хатун в охотничий дом, что в предгорьях Цаган-Байна, приставь охрану, и не спускайте с неё глаз.
— Я смиренно буду жить там, где ты прикажешь, — напуганная гневом мужа, пролепетала Жалма.

***

Алдару было стыдно, что слуги слышали, как на него кричала старшая жена отца. В сердце поселилась пустота, давила обида. Он весь день не выходил из комнаты. Вечером Дайра с трудом уговорила его поесть.
— За что она меня ненавидит? — спросил он, отстранив блюдо с недоеденным ужином.
— Жалма боится. Ты вырос, многому научился и теперь можешь отомстить за мать, — опустив глаза, сказала служанка. — Моя госпожа так мучилась перед смертью, — по её морщинистым щекам потекли слёзы. — Жаль, что отравительница теперь для тебе не доступна. Чтобы ты не наказал убийцу, отец спрятал хатун в лесу, в охотничьем домике, и охрану вокруг поставил.
— Он всё-таки знал, что Жалма отравила Юлдуз? — потеряно спросил он.
— А зачем тогда ему было её прятать? Если хочешь убедиться в моих словах, то до Цаган-Байна меньше полдня пути.
— Я выеду туда завтра на рассвете, а сейчас оставь меня! — тайши лег на постель и отвернулся лицом к стене.

***

Алдар не жалея своего скакуна мчался по степи в сторону поросших лесом подножий горного хребта. Вот и распадок, где стоял бревенчатый двухэтажный дом, в котором они совсем недавно были с отцом. Он привязал Белек к сосне и вышел на заросшую травой лужайку. Ему повезло, Жалма сидела на скамье возле открытой двери, прикрывшись от солнца зонтиком.
Отступив за куст боярышника, тайши наблюдал. Поблизости не было никого. Охрана, видно, не решалась показываться лишний раз на глаза хатун. Женщина спала. Ненакрашеной она выглядела моложе. Кожа на лице была тонкой, словно прозрачной. От густых чёрных ресниц на бледные щёки падала тень. Пухлые розовые губы были слегка приоткрыты.
— «Выползла змея на солнышке погреться» — с ненавистью подумал тайши и, стараясь не шуметь, подошёл ближе.
— Доброе утро, — поздоровался громко.

Женщина от неожиданности чуть не упала со скамьи.
— Ты? — изумлённо воскликнула она. — Явился по мою душу? Только знай, за меня тоже есть, кому отомстить, — чёрные глаза презрительно оглядели его.
— Я хочу знать правду. За что ты отравила мою мать?
— Догсан поклялся мне, что у него не будет других жён, кроме меня. Когда Юлдуз появилась во дворце, я стала для него тенью. Мы не разговаривали месяцами. Как я радовалась, когда она издохла! Ты, даже не представляясь, как я радовалась! — злобно засмеявшись, выкрикнула Жалма в лицо юноши.
Вспышка неукротимой ярости, словно отворила что-то в груди Алдара, выпуская наружу неудержимый поток силы. Жалма безумными глазами смотрела на руки пасынка, между которыми как живое металось пламя.
— Как же я вас колдунов ненавижу, — едва слышно прошептала она, осторожно сползая со скамьи.
— Я тебя тоже! — глядя на неё пылающими глазами, произнёс гулким, не своим голосом Алдар и поднял ладонь, на которой крутился ослепительный огненный шар. Охваченная животным ужасом, хатун стремительно метнулась к открытой двери и маг промахнулся. Шар ударился в стену, расплескав огонь по сухому дереву. Дом запылал.

***

Догсан зашёл в комнату сына, чтобы выяснить, из-за чего они вчера поссорились с его старшей женой. Комната была пустой. Один из телохранителей видел, как тайши на рассвете ускакал из города на своём жеребце. Каган велел допросить всех, кто общался с Алдаром. Вскоре ему доложили — служанка Дайра не выдержала допроса и созналась, что по просьбе царевича выведала место, где находится старшая жена. Охваченный мрачным предчувствием каган спешно собрал своих нукеров и отправился к Цаган-Байна.

***

— Лес горит! — крикнул кто-то из всадников.

Догсан увидел столб дыма поднимающегося над деревьями в той стороне, где стоял охотничий дом. Пришпорив коня, он помчался к пожарищу. Вокруг горящего здания суетилась охрана.
— Где Жалма? — подскочив к одному из них, закричал Догсан, перекрикивая рёв пламени.
— Она внутри! Её уже не спасёшь, крыша вот, вот рухнет, — прикрываясь от жара ладонью, прокричал тот в ответ.
Налетевший порыва ветра развеял дым, и каган увидел сына, стоявшего на пороге горящего дома. Неожиданно тайши шагнул внутрь и исчез в ревущем огне. Обезумев, отец бросился следом, но, спасая правителя, нукеры мёртвой хваткой вцепились в него.
Алдар шёл по коридору, не чувствуя жара раскалённых брёвен. В дальней комнате он увидел Жалму, неподвижно лежавшую на полу. Над ней склонился полупрозрачный призрак женщины в красном одеянии, с распущенными, огненно-рыжими волосами. Услышав шаги, призрак обернулся, и Алдар увидел прекрасное лицо матери.
— Мама! — он бросился к ней, но невидимая преграда задержала его.
— Не подходи сын! Мои объятья горячи даже для мага огня, — услышал Алдар её мелодичный голос.
Треск брёвен и гудение пламени заглушали слова. Едкий дым лез в горло, выедал глаза.
— Почему ты плачешь сын? Ты не рад нашей встрече? — подняв изумлённо брови, спросила Юлдуз.
— Я не плачу, это всё дым, — он не захотел признаться в своей слабости. — Я пришёл на твой зов. Ты хочешь забрать меня с собой? — спросил, вытирая мокрое лицо рукавом.
Юлдуз развела руками и вокруг наступила тишина. Огонь теперь бушевал за пределами окружавшей их сферы.
— Нет. Я не для того отдала свою жизнь, чтобы ты так рано перешёл в мир духов, — улыбнувшись, возразила она.
— Тогда зачем? — его взгляд упал на тело, распростертое на полу. — Я понял! Ты хотела показать, что наказала убийцу сама?
— Нет. Жалма просто спит. Она не виновна в моей смерти. Жрицы-предсказательницы не могут жить долго вдали от своих зеркал, поэтому я угасла так быстро.

— Тебе нельзя было покидать храм? Там ты была бы до сих пор живой и такой же юной и прекрасной? Кто заставил тебя это сделать? — ярость снова вскипела в груди.
— Какой же ты горячий сын! Я не ошиблась в выборе, — с радостью глядя на метавшееся между его ладонями пламя, произнесла Юлдуз. — Зеркала никогда не ошибались в предсказаниях. Это они указали на твоего отца. Но, к сожалению, Догсан любил Жалму. И только мои чары смогли разрушить его чувство к ней. Поэтому мне пришлось переехать в Солонго. Я забрала его, чтобы обновить древнюю кровь моего народа.
— Зачем?
— Чтобы родился ты — высший маг огня. Веками уйнуры правили в этом мире, но кровосмешение привело к тому, что они почти утратили свою силу. Теперь ты сможешь вернуть былое величие нашей стране.
— Я не хочу возвращаться туда! — с негодованием воскликнул Алдар.
— Поздно. Твой праведный гнев освободил дремавший в тебе дар. Ты прошёл инициацию. В храме Огня тебя ждут,— в глазах Юлдуз растеклась тьма, черты лица заострились и потеряли красоту.
— Почему это произошло здесь, а не в храме?— стараясь не глядеть на изменившийся облик матери, спросил Алдар.
— Монахи боялись, что во время ритуала твоя ярость обернётся против них. Они предпочли найти жертву среди смертных.
—И выбор пал на Жалму?
—Глупая ревность жены кагана и страх перед народом уйнур помогли Дайре распустить слухи порочащие её. Ты возненавидел мачеху, когда поверил, что она отравила меня. Ярость открыла дорогу твоему дару.
— Проклятая старуха врала? Из-за неё я чуть не убил хатун! — воскликнул сын.
— Очищающее пламя любит человеческие жертвы. Взамен оно даст тебе частицу себя.
Потрясённый открывшейся правдой, Алдар молчал.
— Пора прощаться, сын.
— Мы ещё встретимся?

— Мир духов находится рядом с миром живых. Всё зависит от того, какой силы огонь ты зажжёшь. Прощай!
Юлдуз и сфера исчезли. Он снова стоял в горящем доме, на полу лежала старшая жена отца. Схватив Жалму на руки, Алдар кинулся прочь из горящего дома. Как только он шагнул за порог, крыша и стены с треском обрушились внутрь. К нему подбежали люди, они что-то кричали, нукеры забрали у него женщину, кто-то подал чашу с водой. С жадностью напившись, тайши взял за повод Белек и пошёл прочь от пепелища.

***

Догсан долго блуждал по степи. Заметив в ночной темноте свет костра, он поехал к нему. Спешившись, сел на землю напротив сына.
— Ты не замерз?
— Я маг огня, — лаская ладонью рыжие лепестки, ответил Алдар.
— Ты искал меня?
— Хотел сказать спасибо — ты спас мою жену.
— Я поджог дом, чтобы отомстить ей. Но оказалось, что она никого не убивала. Юлдуз и монахи спланировали мою судьбу до моего рождения. А тебя использовали как племенного жеребца, чтобы родился я — великий маг племени Огня. Огнепоклонники хотят вновь возродить свою империю.
— И ты им в этом поможешь? — насторожённо глядя на сына, спросил Догсан.
— Нет! Я не буду больше ничьей игрушкой.
— Почему же ты сбежал из дома?
— Мне не место во дворце. Люди не примут меня, станут бояться и ненавидеть как Жалма. Я ухожу.
— Куда?
— Хочу увидеть мир. Все эти годы я прожил взаперти.
—Возьми, пригодится в дороге, — отец протянул ему тяжёлый кошелёк.
— Не надо. Всё, что нужно добуду сам или возьму у людей.
— Они могут не дать.
— Заберу, — вскочив на коня, весело ответил он.

— Постой, скажи, какую сторону ты избрал, Свет или Тьму?
— Я ещё не выбрал, — донёсся до кагана ответ юного мага, уже мчавшегося навстречу встающему из-за сопок солнцу.

© Галина БЕЛОМЕСТНОВА. Hekaýalar